

С.А. Крючкова

Художественное осмысление «нового» героя в рассказах П. Романова

Статья посвящена изучению типа «нового» героя в рассказах 1920-х гг. П. Романова, особенностей индивидуально-авторского мировидения, связанных с апелляцией к вечным бытийным ценностям, с поиском позитивных жизненных начал в национальной духовно-нравственной традиции.

Ключевые слова: П. Романов; малые жанры; тип «нового человека»; национальная ментальность; вечные ценности.

В истории русской литературы советского периода есть скромные имена писателей, официально не «запрещенные», но незаметно исчезнувшие с горизонта отечественной словесности. К их числу принадлежит П.С. Романов (1884–1938), чьи сатирические рассказы, комедия «Землетрясение», незаконченная многотомная эпопея «Русь» в 1920–1930-е гг. воспринимались критикой неоднозначно.

События начала XX в. породили множество вопросов, волновавших творческую интеллигенцию: отношение к революции, взаимоотношения политики и нравственности, технической цивилизации, судьбы культуры в эпоху революционной ломки, ограничения и подавления личности в новых условиях и др. Одним из животрепещущих стал вопрос о смене поколений, о том, каким будет человек новой формации.

Литература пыталась осмыслить эти проблемы, но особенно волновал воображение писателей образ *нового человека*, который рождается в результате разрыва с предшествующей культурой, преодолевает исторические, нравственные и религиозные ценности, отвергнутые революцией.

На протяжении всей истории литературы писатели остро чувствовали зарождающиеся социальные и исторические изменения. Нельзя утверждать, что тема «нового» героя появляется лишь в XX в. и является следствием исторических реалий того времени. Стоит обратиться к классике русской литературы и вспомнить «маленького человека» А.С. Пушкина, размышления над судьбой этого героя в произведениях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Нельзя обойти стороной и творчество И.С. Тургенева и его сильный, благодаря иносказательности и метафоричности слова¹, образ Базарова, появившийся в русской литературе как нельзя кстати. Что касается литературы

¹ См. об этом: Лоскутникова М.Б. Иносказательность слова и иносказательность образа: к вопросу о становлении стиля в творчестве И.С. Тургенева // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2010. № 2(5). С. 36–46.

XX в., то здесь тема «нового» героя приобретает множество совершенно разнообразных трактовок, что обусловлено закономерностью развития исторического процесса. Появившиеся разнообразные литературные группировки и течения по-своему осмысливали эту тему.

Не остался в стороне и П. Романов. Проблема возникновения новой нравственности привлекает пристальное внимание писателя и раскрывается в его рассказах 1920-х гг. Цель данного исследования — выявление своеобразия художественного осмысления П. Романовым «нового» героя эпохи. «Романов как крупный художник создал свою, новую форму — небольшой рассказ, миниатюру, где автор совсем не виден, где голоса персонажей воссоздают и человеческие характеры, и современную им эпоху» [4: с. 10]. Именно эту особенность мы и попытаемся проследить в его творчестве.

Зоркий взгляд писателя и его проникновенное мироощущение подмечают многие исследователи; например, С. Никоненко отмечал: «Стремясь осуществить принципы своей «художественной науки о человеке», он в своих произведениях показывал обыкновенного, среднего человека в новых обстоятельствах, обусловленных новым строем; и эти новые непривычные обстоятельства, а часто и новое социальное положение позволяли вскрыть глубинные, сущностные черты народного характера, обнажить человеческую душу» [3: с. 11].

Самыми яркими произведениями, в которых вопросы нравственности современного героя решаются Романовым наиболее емко, являются два рассказа: «Без черемухи» (1925) и «Большая семья» (1926), составляющие своеобразную дилогию. Оба они написаны на актуальную для того времени тему юношеских чувств, ранней любви. Революционные перемены отразились на всех сферах жизни, в среде молодежи вызревала «новая» «пролетарская» нравственность, которая была далека от идеалов прошлого, возникали «...упрощенные теории насильственной перестройки человеческого сознания» [5: с. 5]. Современная молодежь хотела брать от жизни все, не страшась последствий. У Романова вызывала тревогу открыто пропагандируемая «свободная любовь». Писатель чувствовал губительность этой идеи, неизбежно приводящей к утрате традиционных нравственных ценностей.

Анализируемые нами произведения отличаются от коротких сатирических рассказов писателя, они проникнуты особым лиризмом и вместе с тем драматизмом. Обличительный пафос в них даже усиливается, несмотря на отсутствие комического эффекта, свойственного малой прозе писателя.

В рассказе «Без черемухи» речь идет о романе двух молодых людей, студентов. Повествование ведется от лица героини и представляет собой письмо девушки к подруге. Такая форма позволяет автору наиболее проникновенно и психологически убедительно раскрыть ее внутренний мир.

Рассказ построен на противопоставлении героев: молодого человека, живущего плотскими потребностями и отрекшегося от чувств, и девушки, ищущей любви и красоты в окружающем мире и среди людей. Это противопоставление

выражается на разных уровнях текста. Главным образом-символом, передающим глубину непонимания между молодыми людьми, становится черемуха. Он возникает уже в начале рассказа, в диалоге героев:

— Без черемухи не можешь?

— Нет, не могу. Но с черемухой лучше, чем без черемухи.

— А я всегда без черемухи, и ничего, недурно выходит, — сказал он, как-то неприятно засмеявшись [1: с. 316].

Черемуха традиционно считается символом нежности, чистоты, любви. Девушка — носительница этих ценностей, тогда как молодой человек их отрицает. Примечательно, что когда она решается прийти к нему домой, то видит «...темный подъезд старого каменного дома, откуда пахнуло, после теплого, точно гретого воздуха майской ночи, еще зимним холодом непрогретых стен» [1: с. 318]. Создается оппозиция: холод серого подъезда, в котором живет юноша, и теплая весенняя ночь. Героиня как будто попадает в мертвое царство, где нет места любви, доброте, красоте — всему тому, что составляет основу ее самой. Их противостояние достигает кульминации в его квартире, где героиню ужасает беспорядок: «...грязная неубранная посуда, бутылки из-под масла, яичная скорлупа, жестяные чайники» [1: с. 319]. Стоит заметить, что у героини тут же возникает желание навести порядок, в этом проявляются ее гармоничность и вместе с тем отголоски ее представления о том, что человека можно изменить, исправить.

В противопоставлении герою, утратившему нравственные ценности, духовность девушки проступает еще ярче. Образ смятой черемухи, который возникает в начале и в финале рассказа, а значит, поставлен автором в сильную позицию, проецируется на девушку, ее чувства, переживания. Это героиня грубо «смята» молодым человеком, живущим «без черемухи». Словосочетание, брошенное героем в разговоре, становится символом новой жизни без любви, без надежды и чистоты — всего того, что воплощается в образе черемухи. А героиня рассказа символизирует надежды на возрождение духовности, чистоты души, веры в то, что в человеке никогда не померкнут добрые чувства.

Подобная авторская позиция представлена и в другом рассказе — «Большая семья», который стал продолжением рассказа «Без черемухи». Он повествует о дальнейшей судьбе героини: о ее попытке найти поддержку матери в трудной ситуации. Но мещанское скудоумие той не позволяет ей принять беременную дочь, и девушка находит новую «семью» среди товарищей по университету.

Название рассказа приобретает символическое значение. Словосочетание «большая семья» переосмысливается: героиня отрекается от родного семейства и становится частью семьи студенческой, общечеловеческой. Сама семантика слова «семья» изменяется, и акцент переносится с кровных уз на идеологическую, духовную общность. Это один из часто используемых П. Романовым приемов: игра с многозначным словом, подмена ожидаемого смысла другим.

В рассказе «Большая семья» так же, как и в предыдущем, сталкиваются разные типы мировосприятия, но на этот раз чистая душа противостоит старым, закоряклым догмам. И вновь авторская позиция угадывается на уровне деталей, символично-ассоциативных связей. Так, рассказ начинается с описания героиней поездки в деревню после расставания с возлюбленным. Она едет домой в надежде, что после всех испытаний в городе дома она обретет поддержку матери. Пейзаж, открывающийся взору героини, близок к идиллическому: мир свеж и ярк. Но он лишь отражение чувств девушки, которая ожидает от приезда в деревню только хорошее. Она пересаживается из «душного вагона» (символ «душной» Москвы) в телегу, и ее окружает свежее утро с бесконечными просторами полей. Но в доме матери идиллическая картина начинает разрушаться: во дворе «...валялось старое ведро без дна и виднелись разлитые от порога мыльные помои» [1: с. 325]. Романов упоминает «старую рябину», «старые, заплатанные и подпертые колыями заборы», «старое ведро», мать в «старенькой юбочке» — все детали указывают на затхлость, старость, грязь. Становится понятно, что и мать является частью «старого» мира, органична с ним, как органична для героя рассказа «Без черемухи» неряшливая жизнь. Автор изображает грязь как метафизическое свойство русской жизни, от которого никак не избавиться. Мать не может понять свою юную дочь, для нее случившаяся с ней история — банальная житейская ситуация, и, следуя мещанским законам, она советует дочери избавиться от ребенка.

П. Романов откликается на современность, порицая свершающиеся изменения, говорит об общечеловеческом, бытийном, тем самым связывая свое творчество с русской национальной культурой и лучшими литературными традициями. Размышления его о человеке приобретают онтологический характер. Мещанская мораль узколоба, поверхностна и жестока. Примером служит история с собакой Цыганкой, чьих щенков мать заставила утопить брата героини. Мальчик, узнав о рождении щенят, радостно закричал: «У Цыганки родились *дету!*» [1: с. 326]. Но для матери не существует понимания сакральности жизни, для нее что щенки, что дети, поэтому и поступать с ними можно схожим образом. Героиня уподобляется несчастной, беспомощно забившейся в угол собаке: «Она забила в угол конуры, покрыв щенят своим телом, и смотрела на подходившего брата такими глазами, которых я никогда не забуду» [1: с. 327]; «я забила в угол, точно прикрывая собой то, что уже жило во мне» [1: с. 328]. Параллельное построение фрагментов позволяет понять отношение матери к собственной дочери и ее ребенку, показывает беспомощность героини перед старым укладом и подчеркивает разницу в восприятии двух женщин: девушка ценит жизнь в любом ее проявлении, ощущает полное единение с ней, мать, напротив, готова отречься от нарождающейся жизни ради устаревших догм.

То же противопоставление ожиданий и реальности возникает и по приезде молодой женщины в город. Но именно здесь, в Москве, где раньше она чувствовала себя одинокой, героиня вдруг осознает всю важность случившегося с ней: незамужняя, собирающаяся родить ребенка, она становится

частью зарождающегося будущего. Именно в Москве девушка находит новую семью — узнает, что окружающие не только не осуждают ее, но и с большим трепетом относятся к ее положению.

Автор ценит в студенчестве способность сохранять нравственную чистоту. В рассказе неоднократно отмечается, что повсюду идет ремонт. Поначалу героиня отрицательно относится к нему — ее раздражают шум и пыль. Но эта деталь свидетельствует об очищении героев, дает надежду на то, что всё старое, обветшалое и нечистое наконец-то останется в прошлом. Ремонт означает и то, что люди способны меняться: если в рассказе «Без черемухи» студенты относятся пренебрежительно к окружающей их обстановке, нисколько не заботятся о порядке и чистоте, то в рассказе «Большая семья» ремонт символизирует обновление и пересмотр взглядов на жизнь.

Ребенок, которого ожидает героиня, приобретает некий символический смысл — это зарождение новой жизни, возрождение исконной духовности, нравственности, народной мудрости, ведь образ матери и ребенка уходит корнями в глубокую древность и имеет надвременной и философский смысл.

Для понимания концепции нового человека в картине мира Пантелеймона Романова важно рассмотреть встречу героини с отцом ее ребенка. В начале сцены возникает мотив полноты жизни и уверенности в будущем: «И у меня было настоящее радостной полноты, я чувствовала себя как бы живой участницей в этом весеннем празднике природы и жизни, когда смотрела на своего маленького, как он в беспричинной радости трепыхался своими ручонками, навстречу свету и солнцу» [1: с. 330]. Обращение к образу природы передает душевное состояние героини. Весна символизирует новый этап в жизни девушки, изменение ее собственного отношения к жизни. Героиня вновь ощущает гармонию с природой, и в этом единстве сила, позволяющая ей быть увереннее молодого человека. Она ведет себя с ним как со старым знакомым: «...я слушала его с оживленной улыбкой, с какою слушают своего хорошего знакомого, которого не видели много лет и рады узнать, что у него все хорошо» [1: с. 331]. В отличие от юноши, растерянного, не находящего слов, она тверда и спокойна. Интересно заметить, что в рассказе «Без черемухи» герой характеризуется как сильный, уверенный в себе человек: «И он как бы боялся в их глазах не оправдать свое положение вожака» [1: с. 315]. Но во втором рассказе он из вожака превращается в человека слабого, не знающего, как поступить в сложившейся ситуации. Человек «без черемухи» оказался побежденным, Романов развенчивает своего героя и отказывает ему в праве называться «новым человеком» эпохи. Не случайно героиня в диалоге с ним мимоходом упоминает черемуху — в ее жизнь возвращается та самая цветущая черемуха, об утрате которой она сожалела в начале истории. И именно поэтому свое письмо героиня заканчивает словами: «...ощущаю необъяснимую крепость жизни в себе, внутреннюю полноту и свободу» [1: с. 335]. В рассказе «Большая семья» запечатлено представление автора о типе «нового человека», воплощенном в образе юной девушки, нашедшей в себе силы переступить через мещанское невежество и продолжать жить, радуясь самому факту жизни.

Рассмотренные произведения П. Романова предлагают яркое индивидуально-авторское осмысление одной из ведущих проблем молодой советской литературы: проблемы подмены духовных ценностей материальными, измельчания ценностных ориентиров. Но, безусловно, они вызывают интерес и как пример художественного осмысления социально-нравственной проблематики своего времени с позиции вечных ценностей, которые являются основой национальной, народной ментальности. Это обуславливает несомненную способность произведений П. Романова вести диалог «в большом времени» [2: с. 328].

Библиографический список

Источники

1. Романов П. Без черемухи: повесть, рассказы. М.: Правда, 1990. 464 с.

Литература

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Иск-во, 1979. 423 с.
3. Никоненко С. «...о менее праздничном, но более человеческом» // П. Романов. Избр. произв. М.: Худ. лит., 1988. С. 3–14.
4. Сушилина И. Дорогой своей подлинной жизни... // П. Романов. Яблоневого цвет: повесть и рассказы. М.: Сов. Россия, 1991. С. 3–10.
5. Шнейберг Л.Я. От Горького до Солженицына / Л.Я. Шнейберг, И.В. Кондаков. М.: Высш. шк., 1995. 560 с.
6. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. Писатель, 1988. 416 с.

References

Istochniki

1. Romanov P. Bez cheryomuxi: povest', rasskazy'. M.: Pravda, 1990. 464 s.

Literatura

2. Baxtin M.M. E'stetika slovesnogo tvorchestva / sost. S.G. Bocharov, primech. S.S. Averinceva i S.G. Bocharova. M.: Isk-vo, 1979. 423 s.
3. Nikonenko S. «...o menee prazdnichnom, no bolee chelovecheskom» // P. Romanov. Izbr. proizv. M.: Xud. lit., 1988. S. 3–14.
4. Sushilina I. Dorogoj svoej podlinnoj zhizni... // P. Romanov. Yablonevy'j cvet: povest' i rasskazy'. M.: Sov. Rossiya, 1991. S. 3–10.
5. Shnejberg L.Ya. Ot Gor'kogo do Solzheniczy'na / L.Ya. Shnejberg, I.V. Kondakov. M.: Vy'ssh. shk., 1995. 560 s.
6. E'pshtejn M.N. Paradoks'y novizny': o literaturnom razvitii XIX–XX vekov. M.: Sov. pisatel', 1988. 416 s.

S.A. Kryuchkova

Artistic Perception of the «New» Hero in Stories by P. Romanov

This article contemplates the type of «a new hero» in the 1920s' stories by Pan-teleimon Romanov, peculiarities of the author's individual world-view, appealing to eternal ontological values and search for positive vital sources in the spiritual and ethic tradition.

Keywords: P. Romanov; small genres; type of «a new man»; the national mentality; the eternal values.